

18+

Людмила Андреева

БЕЗ ТЕБЯ...

Людмила Андреева

Без тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63177053

ISBN 9785005176356

Аннотация

Человек, потеряв любимого, зависает в пространстве, и все в его жизни теряет смысл... Как выжить, как найти себя и как победить свою боль и обрести уверенность в завтрашнем зыбком дне?

Без тебя

Людмила Андреева

© Людмила Андреева, 2021

ISBN 978-5-0051-7635-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Без тебя...

Людмила Андреева

Ты написал последнюю главу
поспешно и с жестокостью суровой, —
и я от боли только не кричу...
я задохнулась в горькой скорби горем.
Зачем мне эта жизнь без тебя? —
Так сердце вопрошает безутешно.
Я не хочу знать зла, а лишь добра
ждала все это время
безуспешно. —

Ты дописал последнюю главу
со всей неотвратимостью суровой.
И я от боли больше не кричу... —
я задохнулась в скорби горьким словом.

Не знаю. Может, хоть таким образом будет немного легче переносить нашу разлуку... мою разлуку с тобой. До сих пор не могу смириться с мыслью, что тебя больше нет. Что ты больше никогда не приедешь и не скажешь: «Здравствуй! Ну как ты тут? Рассказывай...»

Легче? – это относительно того состояния, которое теперь владеет мной, давя и угнетая меня. У человека должна быть какая-то отдушина в жизни, иначе он просто сойдет с ума. У меня был ты. И я знала, что стоит мне только позвать тебя – и ты приедешь. Обязательно приедешь. И поймешь меня. И, если надо – поможешь. И мне было уже легче от одного только сознания этого...

Откуда была эта уверенность? Я не знала. Может, это было шестое чувство? Не знаю. Но наше знакомство, наши встречи, наши дружеские отношения (а точнее – твоё. Ведь я до последнего не признавала в себе этого, боясь показаться в своих же глазах через чур мнительной) – явное доказательство того, что в твоём лице, мне моя судьба подарила моральную поддержку, настоящего человека, ДРУГА с боль-

шой буквы.

Именно в этих записях, как бы в моих письмах в никуда, я хочу вести разговор с тобой. Когда молчание становится невыносимым и как никогда хочется общения только с тобой. Мне так не хватает этого. Особенно в последние месяцы больного и страшного сознания, что тебя больше нет. Это самое страшное в жизни, после человеческого рождения в этот мир. Хотя, смерть – это уход из бренной жизни от бессмысленного прозябания, существования... это счастье для самого человека – уйти в небытие от всех этих адских мучений. Если и есть ад, то это наша земная жизнь с ее муками и лишениями. Смерть сама по себе страшна только близким людям того человека, рядом с которыми он находился и для кого был истинной жизнью. Ведь когда теряешь родного и близкого, то это самое болезненное. Это невосполнимая потеря, которую просто ничем невозможно компенсировать. Да и сама мысль об этом кощунственна. С тем человеком уходит его внешний и внутренний мир, в какой-то мере недоступный для других. Уходит его мировоззрение, его личное понимание жизни. Человек все свое нематериальное забирает с собой и после него образуется зияющая пустота, которая холодом будет напоминать о себе.

Это ерунда, что на место ушедшего приходят другие. Другие – это и есть другие, даже если и созданы они по образу и подобию ушедшего. Человек неповторим своим внутренним миром, своими чувствами и образами, своим восприя-

тием окружающего... Так что, мы безвозвратно теряем то, что, как нам кажется, имели. И эти потери уму непостижимы для тех, кто не знает цены этому.

Страшно смириться с этими потерями, хотя больше ничего не остается делать. Противно сознание своего бессилия и беспомощности против этого. И вообще...

Тебя нет. Я не хочу в это верить. Не хочу! Как страшно потерять свое «я», свою жизнь именно в твоём лице. Мне было больно, когда умер папа – родной для меня человек. Мне было больно узнать о предательстве F (но в тайне я была готова к этому, вполне допускала такой исход). Но к твоей гибели я не была готова... все, что угодно, но только не это! Я готова была навсегда исчезнуть из твоего поля зрения, самолично порвать ту ниточку, которая нас связывала (что, я полагаю, доставило бы боль только мне одной). Но... мама говорила, что тебе надо обязательно сообщить наш новый адрес. А я послушная дочь своих родителей и мне все же очень хотелось увидеться с тобой. Я готова была к тому, что ты женился или женишься в ближайшем будущем. Я готова была к тому, что ты уйдешь, наконец, с этой работы (ты неоднократно говорил об этом желании) и у нас оборвется связь. Потому что, что за нужда тебе заботиться или помнить о какой-то больной девчонке, которую ты в свое время приручил по роду деятельности... я была готова ко всему, но только не к такому исходу! Я лишилась своей последней надежды, лишилась своих иллюзий (что так хотела сделать давно, но по своему

малодушию – не решалась) и каким образом?

Господи!.. Какими мелкими кажутся все мои терзания, метания в поисках выхода теперь, когда мне известна настоящая цена... прости.

Мне уже никогда не стать той, какой я была год назад: по своему счастливой от сознания, что у меня есть ты, и, что никто не сможет у меня отнять право любить тебя. Пусть молча, но любить.

Если бы ты тогда спросил меня, я бы может и рассказала тебе обо всем. Но ты только выжидающе смотрел на меня и я, читая в твоём взгляде все, но не слыша твоих слов, подтверждения моим догадкам – тоже молчала. Это наше взаимопонимание без слов, было весьма красноречиво... Ведь так? Но, если б знать тогда, что это была наша последняя встреча... если бы знать. Почему я тогда не послушалась тебя и своего сердца, зачем? Как больно.

Мне так тебя не хватает все эти месяцы! Даже во сне ты мне не снишься теперь... с конца весны, когда тебя не стало. Когда ты ушел от меня... больше ни разу не снился. Вернее, несколько раз мне что-то снилось. Но, ты – не ты, а что-то похожее. Наверняка, ты обиделся на меня. Как я презираю себя за тогдашние мысли! Моя подруга говорит, что ты просто не хочешь меня тревожить. Не знаю...

Ну почему я такая ветреница – согласилась с мыслью подруги, что жить-то надо, жизнь продолжается. Что надо знакомиться с другими и довериться жизни, чтобы жить даль-

ше. Что тебя уже не вернешь... Ведь в тот момент все во мне кричало от того грядущего насилия над собой. Я же предпочла подавить в себе тот вскрик, так как это привычнее. Что ж, я сполна расплатилась, заслужила все это.

Я не ропщу. Просто мне уже невыносимо ото всего этого, что во мне творится. Я не могу быть наедине с собой. Я хочу общения с тобой хотя бы вот таким образом. Хотя так буду выговариваться...

Наверное, это ты мне подсказал – нечто подобное я сегодня видела во сне. Я там опять читала тот проклятый некролог в газете и проснулась от тупой боли сознания, что теперь ничего не изменишь. Ничего!

Всю ночь сегодня плохо спала, часто просыпалась. Снилось какая-то чертовщина. Возможно от того, что вчера посмотрела по телевиденью новостную программу с ведущим, внешностью, очень напоминающим тебя. Думала, что это мне только кажется. Сравнила с твоим портретом – похож очень! И мама это сходство подтвердила. Впрочем, как бы то ни было, это все равно не ты!.. Так вот, снилась всякая путаница: то я вроде нахожусь в больнице – иду по длинному коридору. То я, назвавшись женой заключенного, веду на свидание с ним его маленького сынишку. А этот зэк – тот самый ведущий новостной программы, называет меня

своей женой, как бы принимая эти правила игры. Это было очень странно. Будто бы я из дома, сквозь зарешеченное окно, смотрю вниз. Там, в кузове грузовой машины, лежат вповалку люди и среди них тот ведущий. И он мне делает какие-то знаки. И тот мальчик, наш сынишка, вроде как со мной. Потом я куда-то бегу. Вдруг оказалась за столиком уличного кафе и этот ведущий угощает меня мороженым, показывая какую-то газету. В газете вроде бы фото и стихи. Мы говорим о чем-то. Я просыпаюсь и опять засыпаю. Вижу: кухня и прихожая вся в кафеле (как в больнице). Лифт. И какие-то женщины в национальных чувашских нарядах пляшут вокруг меня. Надели на меня монисто и хушпу*, в уши вдевают серьги и, вроде, тот ведущий взял меня под руку и мы пошли в темень улицы...

Этот ведущий только чуть-чуть напоминает тебя. Чуть-чуть... а мне хочется увидеть тебя! Если б ты знал... Мне часто не хватает воздуха. В такие моменты, кажется, что я обречена. Почему я это чувствую – не знаю. Но мне теперь, да и раньше тоже, не за что держаться. Все пусто и бессмысленно. Нет никакого желания существовать дальше в этом мире. Все меня тут давит. Мне тесно. Мне немогуту. Мне противна вся моя сущность. Грустно. Я тебе никогда не говорила даже близко похожее на это. Даже тогда, три года назад, когда ты пришел навестить меня вечером, в больнице... Я тогда была в разговоре откровенна, но в общих чертах. Я потом жалела о сказанном, что вырвалось в двух-трех сло-

вах. Ты попал под такое настроение, которое я обычно прячу от других. Ты смотрел на меня и, казалось, был готов к моим словам. Знал наперед, что я скажу и, вдобавок знал то, что я сама о себе еще не знала.

Ты помог мне узнать себя совершенно с другой стороны. Ты всегда был добр ко мне. Внимателен и чуток. Спасибо тебе за такое отношение. Я – неблагодарная, не ценила этого. Старалась не замечать, точнее – боялась замечать все знаки твоего внимания. Умышленно доставляла себе страдания. И кусала свои локти как могла.

Простишь ли ты меня? А вот я себя никогда не прощу!

Пять месяцев как тебя нет. Страшно и уму непостижимо! Господи, зачем я существую? Если б возможно было – я бы умерла за тебя, только бы ты жил! Жил, мой добрый человек...

В день твоей гибели я видела сон. Странный сон. Будто я должна быть на свадьбе. И я была на ней, в том злосчастном розовом платье. Красивая (я как будто видела себя со стороны), какой редко бываю в этой жизни. Сердце подсказало: быть беде. Как тогда, перед папиной смертью. Я тоже себя видела в том платье и такой... мои сны перед этими страшными событиями очень тревожны – монастыри, кресты, церкви. А теперь вся моя жизнь стала сплошным кош-

марным сном небытия.

Если б можно было проснуться и с облегчением вздохнуть воздуха полной грудью, зная, что наступивший день может подарить мне новую встречу с тобой... Какой бы безгранично счастливой я была!!!

Что мне эта жизнь без тебя? Тоска по тебе давит на меня, я задыхаюсь! Я не могу, не могу без тебя! У меня только и осталось радости в жизни, что эта тетрадь. Плюс невольный поиск в других людях схожих черт с тобой... и еще, твой портрет написанный простым карандашом под стеклом на столе. Понимание того, что все непоправимо доставляет адские муки и душевную боль...

Ты помнишь, как ты увидел этот портрет? Я тогда хотела провалиться сквозь землю!.. Мне казалось, ты тогда все понял. А у меня руки и язык не слушались...

– Это фантастика?.. – как бы спрашивая меня и, беря в руки небольшую книжечку со стола, ты, не отрывая глаз, смотрел на свой портрет под стеклом.

И я хорошо поняла в тот момент, что твой возглас был адресован скорее всего для того, чтобы твой спутник не понял причины твоего удивления... и ты дал мне понять, что ты увидел этот портрет. У меня на уме в тот момент крутилось одно: лишь бы тот, с кем ты тогда приехал, не заметил ни твоего удивления, ни моей растерянности. Как я себя проклинала тогда, что положила на стол под стекло твой портрет, хоть и торопливо, при твоём появлении в дверях ком-

наты, я накрыла его подвернувшейся под руку книжечкой. Но ты все равно его увидел. Неловкие паузы, молчание... ты никогда так мало не сидел у нас как в тот раз – полчаса. Понимаю, что тебе это надо было осмыслить. Тебя это ошарашило! А я сидела как на углях, не зная куда себя деть. Невпопад отвечала на твои вопросы. И костерила на все лады твоего спутника (так некстати ты его привез к нам) и себя... Неужели он тебе тогда так нужен был?!!

Как паршиво я себя чувствовала!

А за две недели до этого, когда мы с тобой виделись в N – было все так прекрасно! Почему я изменила себе и своей сдержанности? Вот дуреха! Лежал бы портрет в ящике стола и лежал... нет, мне вздумалось его вытащить на свет божий...

Тогда, в N, мы так мило побеседовали. Хоть и о пустяках, и я была угрюма, но после этой встречи у меня не было на душе такой тяжести, как после моего невольного «разоблачения» и нашего скомканного общения. Эти две встречи были разные по характеру. Ты пытался развеять мою угрюмость, растормошить меня. В глазах у тебя был вопрос, который ты так и не решился задать мне. Так и осталась между нами эта недоказанность до конца. Я все время, как могла, сдерживала себя, а ты только глазами спрашивал: «Почему?»

Вначале нашего знакомства я с тобой держалась естественно, и, ты чувствовал это. Но потом, когда через пару лет, я осознала, куда меня ведет общение с тобой (я запрети-

ла себе даже думать о тебе), ты всем видом показывал мне, что не можешь понять, что со мной происходит. Я читала это в твоих глазах.

Впрочем, многое я склонна списывать на свое «больное воображение». Только жизнь подтверждала обратное. Ты действительно чувствовал ко мне если не сострадание, то жалость, хотел помочь мне. А я... я презирала себя за это.

Поистине – начинаем ценить лишь тогда, когда теряем. Теряем навсегда.

Опять тоска жмет до невозможности, жить не хочется. Такое чувство, что что-то должно произойти. Страшное, непоправимое. Наверное, это будет еще одна потеря. За последние три недели я себя уже два раза видела в том розовом платье, которое стало для меня вестником горьких и невозполнимых потерь...

Мне страшно. Страшно за близких. За себя я не боюсь. Наоборот, если отмечена я, то это – избавление. Избавление ото всего, что на мне теперь.

Вот только я совсем не вижу тебя во сне. Папу очень часто, а тебя нет. И тот сон, увиденный на Покров** два года назад, оказался пророческим, как и увиденный в прошлом году. Прошло полгода – и стало понятно, что именно собой они предвещали. Почему я вижу подобные сны?.. Вот что

меня интересует. Постигнуть бы тайну ясновидения и предчувствий, понять необъяснимое... и вообще... Но, опять же встает вопрос: для чего, если все наши стремления не имеют силы против смерти – такой страшной перед страхом потерь и такой желанной в тоже время по отношению к себе?

Наверняка, эти мои записи похожи на бред сумасшедшего. Я сама себя иной раз пугаюсь – такое странное состояние, ну точь в точь как у Мартина Идена описанное в одноименном произведении Джека Лондона. Апатия и безысходность, бессмысленность всех проблем и желаний. Для чего, зачем, почему? И с каждым днем эта черная пустота все больше и больше затягивает в себя. Нет ни малейшего желания сопротивляться этому. Хоть бы ты отругал меня за такие мысли... но тебя нет, а жизнь упорно меня не принимает. Точнее, я сама, скорее всего, не хочу принимать жизнь в своем лице. Я лишняя, для меня нет места в этом мире. Вернее, я не хочу ее принимать такой, какая есть, чтобы не путаться под ногами других. Я устала преодолевать препятствия то и дело возникающие на моем пути. Силы иссякли.

Сколько можно ползти по грязи с оплеванной и опустошенной душой, когда с самого детства мир обретает черно-белый цвет, да и белое превращается потихонечку в серый?.. Я пессимист по натуре. Ты когда это узнал – удивился. А я могла одевать маску. Умела играть роль. Но зачем? У имеющего начало всегда есть конец... Может, я не имела право молчать. Может, все пошло бы по другому сценар-

рию и все было бы иначе? Не знаю. Но я всегда одна несла свой груз, пока он был мне по плечу... пока ты был. Пока ты жил. Пока я сознавала твою моральную поддержку. Пока я чувствовала (только это), что твое плечо поддерживает мое, что... впрочем, я давила в себе это. И доигралась. Нельзя убивать в себе любовь. Расплата за это будет страшной.

Прости... ничто не вернет тебя. Как это страшно!

Наши встречи давали мне заряд бодрости. Даже сны с твоим участием исцеляли меня. Ты всегда благотворно влиял на меня, на мое самочувствие. Теперь этого так не хватает! Не хватает ощущения того, что ты рядом. Что ты – моя надежда – есть, живешь. Уже само это помогало жить. Но я уже повторяюсь... ну и пусть! Я не могу больше молчать. Не могу и не хочу! Ты поймешь меня...

Меня убивает сознание бессмысленности всего этого... Опять сильные боли в позвоночнике, не могу ходить. Вызвали врача. А толку-то? От этого легче не стало. Да и зачем вся эта суета? Мама пугается моей худобы и бледности. Нос, говорит, только остался. А меня грызет и грызет что-то. И такое чувство, что что-то произойдет. Не к добру это. Все время ухажу, – там зеленый лес, птицы поют, тишина и покой... Я так понимаю: настает мой черед.

Я не боюсь смерти. Для меня это будет облегчением уй-

ти из этого мира. Меня лишь мучает вопрос: в чем все заключается, зачем все это? Жизнь мимолетна, бессмысленна и глупа. Еще понятно, здоровые живут. Оставляют поле себя что-то... А я? Какая польза от меня и моих мучений? Зачем я существую, занимаю чье-то место?! Это именно так, ибо я чувствую, что мир меня не принимает. Я в нем лишняя, и, мое одиночество – подтверждение этому. Если так, то зачем все это, зачем? Конечно, в своем одиночестве есть немалая вина и моя. Я стала нелюдимая, мне тяжело с людьми. Мне тяжело с собой... но, не кричать же об этом во всеуслышание. Мой характер давно сложился, его не переделаешь. И ни к чему это, пустое. Я не хочу уже ничего. И мне грустно. Грустно в этом мире, чужом для меня. И жаль всех... всех, кто что-то хочет, добивается. Хотя, может они и счастливы в своем неведении и бездумности. Надо ловить миг...

Я вспоминаю наши совместные вечера: ты, я и мои родители за чашкой чая... Как хорошо было. Зарождалась наша дружба. Вспоминаю твои слова, которые ты всегда повторял прощаясь:

– Когда я бываю у вас – у меня всегда ощущение такое, будто я дома побывал!..

Еще ты сказал как-то, что моя мама очень напоминает твою...

Господи, как же много я тогда имела! Мне уже никогда не обрести этого. НИКОГДА...

А твоя тихая улыбка, твои всепонимающие глаза, кото-

рые все время внимательно смотрели на меня. Ты как бы хотел мне через взгляд дать почувствовать, что между нами протягиваются ниточки, помогающие нам понять друг друга. Как же я могла сомневаться в твоей чуткости, ты же всегда был со мной предупредителен и приходил на мой зов... Стоило мне подумать о тебе – и ты, словно слышал это, являлся передо мной. Ты чувствовал и понимал меня лучше, чем я сама себя.

Зачем для того, чтобы оценить то, что имеешь, нужно обязательно это потерять?

Мне надо было в этот Новогодний праздник послать тебе приглашение к нам. Ты бы приехал, я знаю. Как приезжал много раз раньше и без приглашения, просто как бы чувствуя, что я тебя жду. Но я всегда боялась показаться навязчивой, даже посылая открытку к празднику. Мне казалось, что этим я лишний раз напоминаю о себе. И мне было от этого не по себе.

А родители (особенно мама) сильно нахваливали тебя, и я сама не заметила, как моя признательная благодарность превратилась в любовь. Я сама сотворила ее в этом отношении. Точнее, ты терпеливо помогал ее выращивать. И мы с тобой вырастили ее во всепоглощающее чувство, которое захлестнуло меня с головой. Я барахталась в нем как слепой кутенок. А ты – мудрый и большой, добрый гений моего творчества, был снисходителен ко мне и не замечал моих бездумных выходов...

Мне нравилось чуток поддразнивать тебя, на что ты только удивленно приподымал брови и, в свою очередь, принимал шуточный тон. Боже, и это ведь было!!!

Сегодня узнала, что твой друг, с которым вы вместе работали, приезжал к нам в поселок, где раньше мы жили. Искал нас. Но мы там уже год не живем. Попросил знакомых ребят в городе разыскать меня и передать весточку о тебе, рассказать, как все с тобой произошло. Так я почти через полгода узнала подробности твоей гибели. Как это все нелепо... На новой машине, которую ты купил. И за рулем был твой друг, а ты сидел рядом. Шел дождь...

Тебя уже не вернешь. И боль ничем не излечишь. Она прописалась в душе.

Год назад, в ноябре, видела сон: с папой ходила смотреть квартиру. А она странная, белая, узкая, тесная и перегородки шторками. Будто ее готовят к заселению три женщины – скоблят и моют. Эта квартира мне не понравилась, и мы долго ходили по N, между высоких домов. Когда вернулись, папе попало от мамы за то, что он забрал меня с собой. Вдруг я снова оказалась в N, у здания, где ты работал. Захожу туда: там запущенный бардак – стоят картонные коробки с вещами, вроде собираются переезжать. Передо мной возникает лицо твоего друга. Я ему будто рассказываю, что

ходила смотреть квартиру. Она маленькая и тесная, очень не понравилась. И спросила у него: «Что делать – брать или не брать?..» А он будто отвечает: «Бери на первое время, а потом другую, побольше выхлопочем. Или дождись, если не трудно. Дело твое, все зависит от тебя самой». А у самой на уме вертится твое имя, но не знаю, как спросить. Тут, он своей помощнице велит принести стакан спирта. Я с ужасом думаю: «Неужели он меня поить собрался?» Она ему принесла пол граненного стакана и тот, запрокинув голову, разом выпивает его. Сразу захмелев и, как бы подслушав мои мысли о тебе, говорит:

– Да не переживай ты за него! Не женатый он... – и, закрыв свое лицо руками, сидя пьяно закачался, будто скорбя о чем-то.

Я недоуменно выхожу и с мыслью, что «видимо так и придется взять предложенную квартиру» спускаюсь по ступенькам в темень улицы. Плутая по темному городу села в трамвай и слезла где-то опять в темноту...

Утром проснулась вся разбитая и усталая. Настроение хуже некуда. Хоть волком вой. Что означает этот сон? Может, он что-то предсказывает?.. Не знаю. Однако, в памяти остался. Тогда ты еще был жив. И твоего друга я еще пару раз видела во сне, почему-то... И, очень часто во сне, я видела себя едущей с тобой рядом в машине – ты всегда за рулем и держишь меня за руку.

В первый год нашего знакомства, наша общая знакомая

то и дело передавала приветы от незнакомых мне людей. Я откровенно недоумевала: откуда они меня знают? Тогда, она высказала свое мнение, что это ты мог быть нашим связующим звеном. Меня это очень удивило. Но то, что ты говорил обо мне многим своим знакомым, стало доказательством далеко не одной встречи с людьми, которых я вообще не знала, но с которыми, так или иначе, сталкивается моя судьба. Ты как бы взял меня под опеку и таким образом дал «зеленый свет» моему робкому и несмелому творчеству. Взять, хотя бы тот случай, когда ко мне внезапно нагрянули неожиданные гости – я тогда лежала после сложной операции. Таких примеров было немало. Твои товарищи по работе (с которыми ты частенько навещал меня), говорили в шутливой форме, что набиваются ко мне в друзья, тогда как ты уже давно стал моим другом. Помню, когда я после этих слов посмотрела на тебя – ты покрылся румянцем и спешно отвел взгляд – тоже покраснела. А когда в солнечный апрельский день ты приехал ко мне домой со своим другом (о котором я говорила выше) и познакомил нас, тот тоже сказал, что очень много наслышан обо мне.

Кроме тебя ему никто не мог рассказывать обо мне. И, я не могу понять одной вещи. Когда мы с ним в июне того же года случайно встретились в коридоре вашего учреждения, он не отпустил меня от себя пока ты к нам не подошел.

Я тогда приехала, как говорят, «выбивать» себе квартиру, так как собиралась изменить свое семейное положение.

Но почему он тебе не сказал об этом – я не знаю.

– Он просто меня убьет, если узнает, что ты тут была, а я его – не позвал!.. – такими словами ответил он на мою реплику, что не надо отрывать тебя от дел.

По словам моей подруги, ты, услышав, что я собираюсь замуж, был буквально поражен этой вестью. Расспрашивал все подробности. Все без исключения. Из этого я и поняла, что твой друг умолчал об этом. Не хотел, или просто не придал этому значения? – кто знает... я склоняюсь к последнему. Хотя, сердце упорно хочет верить в первое.

Помню, он тогда быстро поднял трубку и сказал, чтобы тебе передали:

– Пусть быстренько спускается вниз: одна нога – там, другая – здесь... У меня есть сюрприз для него!

Буквально через минуту открывается дверь и в нее просовывается твоя голова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.